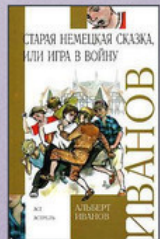

Альберт Иванов

Февраль – дорожки кривые

*Часть сборника
Старая немецкая сказка, или
Игра в войну (сборник)*

Альберт Анатольевич Иванов

Февраль – дорожки кривые

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7476730

Старая немецкая сказка, или Игра в войну: Астрель, АСТ; Москва;

2007

ISBN 978-5-17-044916-3, 978-5-271-17262-5

Аннотация

«Не знаю, где как, а в Подмоскowie весной рыбалка, с некоторыми оговорками, фактически запрещена, жди до 10 июня. Есть только одна отдушина – Шатура. На шатурских озерах разрешается удить и в мае, там весь нерест проходит на месяц раньше обычного. Вода теплая, даже зимой озера не замерзают, первенец ГОЭЛРО всю акваторию почему-то греет. За счет сбросов, наверное.

В общем, весной удилицу, если он не хочет нарваться на протоколы и штрафы, некуда деться, кроме Шатуры. А так там ничего, нормально. Карась, окунь, судак, щука... И рыболовная база на берегу озера Святого неплохая – дом на несколько комнат, койки, причал с лодками. Неподалеку от дамбы, на соседнем озере – Заморном – второй, более скромный домик базы, то-же и койки, и лодки. В будни всегда устроишься.

Туда и поехал...»

Альберт Иванов

Февраль – дорожки кривые

Не знаю, где как, а в Подмоскowie весной рыбалка, с некоторыми оговорками, фактически запрещена, жди до 10 июня. Есть только одна отдушина – Шатура. На шатурских озерах разрешается удить и в мае, там весь нерест проходит на месяц раньше обычного. Вода теплая, даже зимой озера не замерзают, первенец ГОЭЛРО всю акваторию почему-то греет. За счет сбросов, наверное.

В общем, весной удильщику, если он не хочет нарваться на протоколы и штрафы, некуда деться, кроме Шатуры. А так там ничего, нормально. Карась, окунь, судак, щука... И рыболовная база на берегу озера Святого неплохая – дом на несколько комнат, койки, причал с лодками. Неподалеку от дамбы, на соседнем озере – Заморном – второй, более скромный домик базы, то-же и койки, и лодки. В будни всегда устроишься.

Туда и поехал.

Выехал я электричкой ночью, чтобы добраться засветло. Был я один, хотя в одиночку даже на рыбалке скучно. Да дружки-товарищи только по воскресным дням свободны. Вообще у нас лафа для тунеядцев и лиц так называемых свободных профессий: и в магазинах днем посвободней, и в кино, и на тех же рыббазах в будни просторно.

На конечной станции обнаружился и попутчик. Щуплый, моего возраста, тоже под пятьдесят. Повизгивающие сапоги с непомерными ботфортами, зачехленные удочки, рюкзак. Сначала мы шли независимо по темному еще городку, а возле парка Гагарина он заскрипел позади, догоняя, и по-своему заметил:

– А холодно все же!.. Закурим, что ли?

Я не совсем понял и предложил ему сигареты, но у него были свои. Просто он набивался в компанию.

– Кури свои, дешевле обойдется, а? – неловко рассмеялся он. И я сразу вспомнил эту далекую поговорку, когда после войны мы сшибали на тротуарах бычки. – А ты знаешь... – панибратски начал он.

Одногодки, тем более рыболовы да охотники быстро сходятся.

– ...иду я однажды вечером, поздно – все закрыто, и выходит из такси у гостиницы этакий лорд, я к нему: закурить не найдется?.. Он не спеша вынимает массивный портсигар чистого золота, музыкально отчиняет, а на внутренней крышке, таким, представляешь, полукругом, выложено мелкими бриллиантами: «Кури свои!» По-английски, – пояснил мой попутчик. – В Англии это было. В Кэмбридже.

– В Конотопе, – усмехнулся я. Эту байку я слышал еще в пятом или шестом классе в далекой школе.

– А, – и он вновь рассмеялся. – Вот как можно миллионером стать. На что ловить думаешь? – спросил про самое

важное.

Я рыбацкие секреты не таю:

– На манку с корвалолом.

– Угу... Манку – карасю, а корвалол – себе?

Вот умора! Собственно, как все. Думают, заливаю.

– Запах стойкий, – терпеливо вразумил я. – Привлекает. Вон знаменитый Сабанеев и керосином предлагал тесто сдабривать. А уж корвалол... Несколько капель, и хорош.

– Правда? – теперь всерьез заинтересовался он.

– Неделю не выдыхается!

– А я анисовые капли применяю.

– Это все делают. Карась уже привык.

– Ну, корвалол всегда при мне, – ищуще охлопал он боковые карманы.

По грязной, хлюпкой тропке мы наконец выбрались из городка и пошли по твердой насыпи. Слева и справа еле угадывались чащи тростника, пахло гнилым болотом и развороченным торфом.

– А помнишь, какие тут пожары были, когда даже всю Москву хмарью заволокло!

– В отпуске? – спросил я.

Он по-мальчишески хмыкнул:

– Не-а. – И доверительно сообщил: – В командировке. Я там в одной конторе работаю. Сейчас все наше поколение, куда ни плюнь, – либо в «одной конторе», либо в НИИ. Ну и направили вдруг сюда, на ГРЭС. Приятное с полезным! –

восхитился он.

– И в таком виде пойдешь? – Я давно уже ничему не удивлялся. – Как мушкетер?

– А у меня и костюм, и туфли с собой. Зорьку отсижу – и на ГРЭС.

Впереди во тьме послышалось, нарастая, какое-то слабое бряканье.

– Э-эй! – вдруг сердито закричал мой спутник. – Фонарик включай!

– А я вижу, – откликнулся свысока чей-то встречный голос.

Попутчик сдернул меня в сторону, мимо нас, потрескивая, прошелестела по воздуху, словно не касаясь земли, какая-то фигура. Я не сразу догадался, что велосипедист.

– Видит он! Как они тут шею не ломают? Себе-то ладно, – возмущался мой спутник, чавкая сапогами и возвращаясь на твердый путь. – Прошлым летом иду я с электрички, наших много было, растянулись впотьмах цепочкой... Слышу: впереди вдруг чертыхаются поочередно, топают, а в последний миг тот, кто прямо передо мной шел, сиганул вбок – тут меня как саданет что-то в грудь, я аж взвыл, а велосипедисту чертову хоть бы хны. Ручкой руля меня задел, да крепко! И даже не кувыркнулся, так и укатил молча, – сокрушался он. – Вот честно, ни машин, никакого транспорта не боюсь, а велосипедистов – притягиваю, что ли... В Воронеже бывал?

– Бывал, не раз.

– А я там жил. Чернавский мост знаешь?.. Шел я с пляжа через реку. Мне тогда лет двенадцать было, только что новые шкеры мне справили, такие брючата – серые в елочку, клеш, из немецкого шевиота. По тротуару себе вышагиваю, сбоку. Гляжу, не пойму, впереди все отскакивают – и на тебе, как в яблочко, врубился в меня пацан на велике – прямо против движения! Оба кубарем! Коленка-то ладно, штанину мне всю изорвал. И сколько таких случаев было... Мать меня тогда весь вечер потом по всем улицам у реки водила, чтоб я того велосипедиста опознал и мои бы штаны оплатили... – Он махнул рукой. – Даже трехколесные на меня наезжают.

Действительно, и мне вспомнилось: под машину, тыфуты-тыфу, ни разу не попадал, а под велосипед приходилось.

Мой попутчик, судя по всему, был из тех застенчивых, но разговорчивых людей. Попадают такие по натуре тихие, которые болтливы. Это помогает им как-то преодолеть себя... Он к тебе доверчиво – того же и от тебя ждет. И пожалуй, зачастую не обманывается. Как ты к кому-то, так и тот к тебе.

– Что ж это мы?.. – внезапно спохватился он. – Идем-идем, а все еще незнакомы. Я Анатолий. По-старому Толик.

Я тоже назвался. Мы пожали, не сразу найдя, руки другу другу.

Вскоре и развиднеться стало. Тростник выступил, приблизившись к насыпи. Редкие деревья определились... И за

буграми, поросшими кустарником, тонко проступила высокая, из двух надставленных жердей, телеантенна над крышей базы.

Пока мы промыкались с оформлением и устройством, совсем рассвело. Нас поселили не в главном доме на берегу Святого, там шел ремонт, а в домике у озера Заморного, где тоже свой причал с лодками. Правда, на Заморном карася почти и нет, в основном щука, но можно отплыть, а затем втихаря перетащить волоком лодку через низкую дамбу на Святое. Не впервой, опытные.

Мы выбрали себе двухкоечную комнату. Сонный дежурный, тем не менее пытливо окинув нас взором и потускнев оттого, что не тот клиент, медленно выдал нам ключи от лодок, весла, черпаки и спасательные пояса. Затем все же обреченно спросил:

– А больше там никто не идет?... Жаль, – и вновь завалился на рыхлый диванчик.

– Глянь, во всех комнатах напрочь вырезаны замки, – негодовал Анатолий. – Знаешь, ничего в номере не оставляй. В прошлом году у меня спиннинг увели и трехколенную удочку, на полчаса всего отлучился. Безобразие!

– А чтобы не запирались и втихую не выпивали, – послышался с лежанки мстительный голос дежурного. – Пословицу слышал: «В огонь не лезь, а воде не верь»? Вчера один такой умный нафуздырился, перевернулся на лодке и утонул.

– Совсем?... – по-глупому спросил Анатолий.

Дежурный показал ладонью:

– Весь. Еле нашли.

– А что же вы...

– У нас не пляж, – строго перебил дежурный. – У нас спасателей по штату нет. У меня тут тридцать лодок, уследи! А пояса на что?.. – Он вздохнул. – Его дома ждут, а он там, – кивнул за окошко, – лежит.

– Что – здесь? – Анатолий потыкал пальцем вниз. Здесь, мол, на базе.

– Почему – здесь... Там! – вновь показал дежурный за окошко. – У второго крылечка. – И встал.

Мы двинулись вслед за ним посмотреть. Зачем?..

– Сколь же я их, глупарей, переспасал... – бубнил дежурный.

У второго крылечка, горбясь, лежал брезент, накрыв что-то вроде набитого мешка – утопленники почему-то кажутся короткими. Там, где брезент не примыкал к земле, жужжали мухи.

Странно, глупо, неловко – и что тут еще скажешь? Хотелось вызвать в себе сочувствие, но было просто неудобно, зябко – и все.

– Милиция ночью приезжала, акт составляли, сегодня машина придет... – Дежурный погрозил нам, кивая одним только пальцем, а сама сжатая ладонь не двигалась. – Смотрите у меня, осторожней! От вас только неприятности... – Тут силы его иссякли, он ушел в конторку мучиться дальше.

– Я тоже как-то одного спас, – задумчиво пробормотал Анатолий, подняв воротник. – Давно...

Утро мы провели на Святом, поймав по десятку мерных белых карасиков. Потом Анатолий что-то крикнул мне издали со своей лодки и поплыл назад, очевидно торопясь на ГРЭС. А вечером мы опять встретились в нашей комнатке.

На базе и кухонька была, ну мы и сварганили на газовой плите из карасей рыбный супец. Почему не уху? Ухой у рыбаков обычно называют, лишь когда к ней, как говорят, «нолито». А поскольку мы оба, оказалось, трезвенники, к тому же и корвалолщики (главная причина праведной жизни), у нас был – рыбный суп. Пару раз обманывающий себя дежурный все-таки толкался к нам в комнатку с преувеличенными извинениями, надеясь на авось, но, так и не увидев заветное, исчез напрочь.

– ...Помните, я утром сказал, что спас одного утопающего? – проговорил Анатолий, мощно дуя на свою богатырскую, чуть не с половник, ложку, так что в ней бродили волны. – А главное – кого!.. Тоже в Воронеже...

И хотелось ему что-то рассказать, и нет, – не стал, утопленника давно увезли, но край оставленного на месте брезента все еще был виден из нашего окна и трепыхался на ветру, будто там его кто-то торкал ногой.

Мы потушили свет и завалились спать одетыми – холодно, – еще и накрылись одеялами. Голова все проваливалась

в глубь хилой подушки, я бесполезно взбивал и взбивал ее, пока Анатолий не посоветовал подложить телогрейку.

Мы лежали молча...

– Если хотите, расскажу, – вдруг несмело сказал он.

– Давай. Все равно не заснешь.

Это его озадачило.

– Ты о себе? – осторожно спросил он.

– И о тебе... Извини...

Анатолий опять помолчал, раздумывая, и все же решился. Во тьме не спеша зазвучал его тихий, какой-то мальчишеский сейчас голос... Рассказывал он мне открыто, как вроде другу. А впрочем, именно как чужому, близкому-то он бы, может, и не посмел. Будто самому себе – лежа на спине, в потолок говорил...

– Мы тогда в Воронеже жили на Куцыгина. Славная такая улочка, если ее не видеть, а только вспоминать. Всегда спокойная, без машин, серый булыжник, лопухи, крапива... Бревна у заборов... Много своих домов, собраны из чего попало, но с чудными садиками. За немислимыми оградами – линии Мажино не уступят – так, знаешь, и круглятся краснобокие яблоки... А в середине улицы торчит уцелевший с до войны высоченный, пятиэтажный, трехподъездный конструктив – конструктивистский дом еще тридцатых годов, весь черный, как уголь, с балконами, с лоджиями и даже кое-где с круглыми окнами. Как корабль! Домина!.. Все у нас, и

я, жильцам его неимоверно завидовали. Не поверишь, в нем было все: водопровод, уборные, даже душевые были – не надо каждую пятницу в баню шлаться. А внизу свой магазин – около него мы по суткам, и ночью, за мукой перед праздниками кемарили.

А следом, через улочку, еще один примечательный угловой двухэтажный дом – в стиле модерн, загляденье: под козырьком высокой крыши пузатые гипсовые амуры весело трясут рога изобилия, а из них вроде б сыпятся каменные кисти винограда, груши и всякие довоенные плоды... При мне тот дом восстанавливали, одна коробка с амурами уцелела. Недавно был там – снесли, возвели что-то прямоугольное, в стиле «баракко».

Ну а я жил на другом конце улицы, ближе к Кольцовской – напротив пожарки. Сейчас у нее каланча островерхая, прямо как в Прибалтике. Так вот, она напротив нашего дома высилась, без всякой крыши еще и окон, – один остов. Да и всего-то четыре года после войны прошло, не город – сплошные развалины, тысяча девятьсот сорок девятый год. Наш дом тоже чудом сохранился. Ну, в нем ничего примечательного не было. Двухэтажка из красного казенного кирпича, маленькая, с одним входом, все удобства во дворе. Нам еще повезло! Многие вообще кто по подвалам, кто по землянкам, кто где, неизвестно как жили. Мой же отец военный, офицер, капитан все-таки, – дали на трех человек комнату – метров шестнадцать.

Я как раз перешел в пятый класс. Свидетельство получил об окончании начальной школы! Второй документ в моей жизни после свидетельства о рождении. Потом уже стал обрастать бумагами, как телеграфный столб изоляторами: ВЛКСМ, паспорт, аттестат, студбилет, зачетка, профсоюз, диплом, кандидатские «корочки»...

Ну, ладно. Раньше я учился у реки, в первой школе. Про знаменитую Чижевку слышал? Нет?.. Там отпетая шпана жила – середь бела дня разденут. Та Чижевка рядом со школой была – сплошные шанхаи. Уголовник на уголовнике! В школе зайдешь в сортир, пацаны в ряд стоят, отвернув морские клеши, – почти у каждого на бедре самодельная финка висит. Помню, не одного «нечаянно» пырнули ножом после уроков. На деньги играли, выигрыши поделить не могли. Но меня судьба миловала – живым и невредимым дотянул до пятого класса. Мы напротив школы комнатуху снимали, а тут-то и дали отцу жилье – там, у пожарки. Весной переехали, теперь в другую школу надо ходить, поближе, в своем районе. Сдали мои документы в мужскую среднюю на Плехановской.

Стали жить на новом месте. Хорошо там, я уже говорил. И дома просторней. Мне загодя полигон для занятий определили: широкий подоконник – лично мой, собственный! – вместо общего обеденного стола. И учебники и тетради можно свободно разложить. Писать, конечно, не слишком удобно, батарея мешает. Но если боком, то вполне.

Мать устроилась счетоводом на хлебозавод, прямо за нашим двором. Отец тоже хорошо получал – так что жили куда лучше соседей.

Мы в основном с матерью время коротали, отец в воинской части пропадал: то на дежурстве, то на учениях, то в военном городке заночует, чтоб не ездить туда и обратно. И получалось – при отце без отца. Всем мать заправляла. Спортом я не увлекался – да и где? – не курил, не дрался, не воровал, ножи из напильников не вытачивал, в деньги не играл – книжки читал. Типичный маменькин сынок.

Ну, вру, конечно. Покуривал, понятно, иногда тайком от родичей, чтоб от пацанов не отставать. И в «бебе, кто кого расшибе», и в «пристеночку» пятаки продувал, и даже в «фантики» играл. Но без азарта. Так, за компанию... Вот в футбол – другое дело, тряпичный мяч целыми днями по двору гоняли!

Время было какое-то смурное, жестокое. Пойдешь куда-нибудь, в кино ли, в парк или просто во двор, а вернешься непременно с разбитым носом. Все поголовно дерутся – ужас! И взрослые и пацаны. Вечером отовсюду из-за стен крик, плач – родители кого-то обязательно порют. Один закон – кулак. Кто сильнее, тот и прав. Хорошо, хоть учителя учеников не лупили. Впрочем, физруки не скупились на подзатыльники – и все с улыбочкой, вроде б шутливо. А ведь больно. Знай молчи себе и лыбься идиот идиотом.

Кроме меня, в нашем доме была еще одна белая ворона –

Витек, по прозвищу Кривой. Глаз ему года три назад взрывом выбило, лимонку разряжали. То есть разряжал-то не он, не из притких, он только смотрел во все глаза. Потом стал смотреть одним глазом.

Кривой был самым распоследним слабаком во дворе, над ним все кому не лень измывались. Даже младше его. Забитый, затравленный... Привязался вдруг ко мне, видно, почувствовал родственную душу. И клянусь, я ему ни разу и щелбана не дал – рука не поднималась. Домой он ко мне заходил, книжки интересные приносил почитать. На рыбалку мы с ним ходили по Верхней Стрелецкой на реку, пескарей да окушков тягали.

Сейчас-то я понимаю, удить он не любил, увязывался из-за меня. Тяжко дома одному. Скажет ему мамаша: «Чего дома сидишь, как болван? Проваливай на улицу!» А на улицу как на казнь. Чего она, мамаша, знает о нашем счастливом детстве? Мы же не доносчики. Да и нет смысла жаловаться-то, когда избыют! Не будешь ведь каждый день, из года в год, к родителям бегать и хныкать. И вообще: «Доносчику первый кнут!» – слышал?.. Такую «темную» потом устроят, всю жизнь на лекарства работать будешь.

Здорово Витька лупили, просто так: за то, что тихий, за то, что кривой, за то, что книги читает – умный. А ведь он сердечник был, ревмокардит у него, от физкультуры освобождение имел... Помню, мечтал Кривой:

– Посадили бы меня в тюрьму, живи – не хочу!

– Там еще хуже. Одни только урки, – смеялся я.

– Не в такую. А в одиночную камеру, – мечтал Кривой, – я бы там книги читал, пока не вырасту, а потом меня пусть отпустят.

– Там ничего, кроме уголовного кодекса, читать не дают – не слышал?

– Вышел бы юристом, – улыбался он. Все из него выбили, кроме юмора.

Записали меня, значит, в тридцать пятую школу, в тот же пятый «Д», где Кривой учился. А перед самым сентябрем я заболел ангиной, перекупался. Ни по каким предметам я не боялся отстать в школе, кроме иностранного языка. Впервые же нам его дали. Ты помнишь, «иностран», без «т», изучался только с пятого класса... Нам попался английский – и Витек Кривой целый месяц, каждый день, ходил ко мне и со мной занимался. Как я был изумлен, когда на первом моем уроке по английскому я вдруг получил пятерку! Кривой сиял. Другой бы на его месте раззвонил на всю ивановскую, как взял меня на буксир, как бился со мной, тянул за уши. Кривой же был врожденно тактичным, хотя, наверное, и не знал, что это такое, несмотря на всю свою начитанность. У него была специальная тетрадка, куда он записывал названия прочитанных книг: к тому времени накопилось сотни три, не меньше, – и всё приключения.

В школу мы теперь ходили вместе – сначала по Кольцовской... Ну, ее ты наверняка знаешь, раз бывал в Воронеже:

широкая, трамвайная. Раньше Кольцовскую пересекала еще и железнодорожная ветка – по ней ходил паровозик «кукушка», весь черный от колес с красными вставками до трубы и даже дальше – до конца своего дымового шлейфа. Обводы колес блестели отшлифованной от беготни по рельсам сталью. Специально для «кукушки» перед выездом на улицу стоял особый знак: «Закрой сифон и поддувало!» Бог знает что это означало. Но когда «кукушка» окутывалась понизу белым паром, а поверху – черным дымом, нам казалось, что мы все понимаем. Этот железнодорожный приказ был в ходу не только в школе, но и в городе, в любой очереди услышишь: то «Закрой сифон!», то «Закрой поддувало!», а то – и все вместе.

С Кольцовской мы сворачивали на Плехановскую... Нет, у нас была вторая смена, и сначала мы непременно заходили на углу в книжный – перед первой сменой не зайдешь, он открывался позже, – и зорко высматривали, не мелькнет ли из-под прилавка какая-нибудь книга из заветной детгизовской серии фантастики и приключений.

Затем уж только сворачивали на Плехановскую, а там три минуты – и в школе. Можно и на трамвайной подножке прокатиться и на ходу спрыгнуть, не доезжая остановки «Застава». Но мы больше любили пешком ходить и спорить о д'артаньянах и капитанах гаттерасах.

Но не это главное. Извини, отвлекаюсь... Как та бабка в анекдоте: «Приятно, милоч, молодость вспомнить!» Так

вот... Понимаешь, я с детства собак люблю. Ей-богу, больше чем людей! Жалко их... И вот по пути в школу был чей-то частный дворик, а у крыльца возле конуры всегда лежала тощая, почти совсем черная собака. Вечно голодная. Я каждый раз ей свистел и кидал через ограду куски хлеба или что было, делился завтраком... Бывало, еще издали засвищу по-особому, она меня уже узнавала по свисту, и уже стоит наготове, натянув цепь, и машет хвостом. Скажу наперед, что в том году она ощенилась, и как-то я встретил ее с тремя-четырьмя щенками! Такие же черные, похожие. Потом их постепенно раздали или продали, и она осталась с одним, самым крупным и еще более черным, чем сама, щенком... Затем он подрос, и она внезапно исчезла. Убежала? Оттуда трудно удрать, да и зачем – не дикий же зверь. Потерялась? Хозяин, по-моему, никогда и никуда ее с собою не брал. Завел в лес и бросил? Так она ж не старая еще. Может, заболела и?.. А может, он ее на живодерню отправил?.. Скорее всего – сам прикончил. Но я гнал эту мысль. Я упрямо считал, уверяя себя: либо она вдруг удрала, либо все-таки потерялась либо хозяин кому-то отдал, а себе подросшего щенка оставил.

И ее, и оставленного щенка звали одинаково – Жук. Мужское имя. Не помню, какого пола был щенок, но для нее – явно неподходящая кличка. Хотя... Вон у дядьки моей жены тоже была сучка по имени Кузя, а кобелька от нее он назвал Астра. И когда над ним за это посмеивались, только хмыкал.

Жлоб он, ее дядька!

Я, верно, жутко суеверный и наверняка стал бы очень религиозным, будь у меня другая судьба. Но, слава Богу, все мы атеисты. Никто и не подозревал, что вскоре мысленно, про себя, каждый раз, когда ожидались крупные неприятности – а в детстве они всегда крупные, – когда чего-нибудь очень страшился, каждый раз про себя я стал вдруг, ни с того ни с сего, молить тех собачек, чтоб отвели беду. Почему?.. Не знаю. Какое-то наитие. Да, по правде говоря, больше и некого было попросить заступиться – вот до чего дошел!.. Сначала просил только первого Жука, затем – и второго, и вообще всех тех щенков вместе, где б они ни были. Причем не обязательно было мне их видеть. Даже если иду где угодно, хоть с кем, посвищу своим особым свистом, будто просто так – несколько секунд вызываю, чтоб до них якобы долетело, а потом про себя умоляю:

«Жук-Жучок, и ты, черный Жук, и вы, жучата малые, даже если вы сейчас где-нибудь и уже выросли, а если вы, хорошие мои, вдруг померли, но от вас остались дети, – все равно, все вы, и они пусть, сделайте так, чтоб сегодня (точное число, год, предполагаемое время) ничего-ничего со мной (имя и фамилия) не случилось (подробности о том, что ожидается и может случиться), чтоб все обошлось, чтоб все хорошо было!.. Спасибо большое-большое, огромное. Век вас не забуду!» И вроде подписи: «Я». А потом отбой – тот же свист.

Да, так и было: вначале я мысленно взывал только к Жу-

ку, когда он – она! – был один, затем и к его сыну, черному Жуку, и к пропавшим жучатам – его братьям и сестрам. Я искренне верил, да и сейчас, пожалуй, верю, что они, жучата, или их потомки, на этом или на том свете, меня слышат и помнят меня. И в десятом классе я так же перед выпускными экзаменами свистел им – пусть помогут! – и даже в институте...

Ну а тогда иной день приходилось их умолять по несколько раз. И помогали ведь. Очень часто!.. А когда не получалось, я считал, что им попросту не удалось мне помочь – у них свои трудности. Либо – все-таки хоть в чем-то выручили, частично. Вполне могло быть и хуже.

Но до чего ж они голодные были. Сейчас таких я не вижу. Давясь, черный хлеб глотали! А уже как два года карточную систему отменили – просто хозяин у них был тот еще. Мордатый, в синих блатных наколках на толстых коротких руках. Ограда у него колючей проволокой поверху опоясана на специальных кронштейнах, с загибом внутрь, как в лагере. Видать, привык за проволокой жить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.